

ПОБЕДА СИНИХ ЧЕРТЕЙ

Юлиан Константинович Щуцкий, блестящий востоковед, ученый и поэт...
Проделанная им более полувека тому назад работа по переводу, изучению и истолкованию «И цзин» продолжает оставаться уникальной в СССР и, по-видимому, непревзойденной на Западе. Жизнь автора оборвалась трагично, но его произведение в соответствии с умнопостижимым законом несгораемости рукописей избегло уничтожения и через двадцать с лишним лет после насильственной гибели своего создателя счастливо увидело свет...

А. КОБЗЕВ,

доктор философских наук

Летом 1937 года под Ленинградом на даче адепт тайной секты Синих Чулков фра Щуц, он же Юлиан-отступник, он же студент Чу, он же бывший польский дворянин и будущий японский шпион, а в данное время — антропософ, поэт, художник, музыкант, полиглот, востоковед, доктор филологических наук и советский профессор Юлиан Константинович Щуцкий, занимался сбором малины. Столь приятное занятие было неожиданно прервано появлением официальных представителей секты Синих Чертей, достойных наследников слова и дела секретного союза Голубых Мундилов. Уверенные в своем всемогуществе Синие Черты позволили взятому врасплох Синему Чулку доесть малину и увели в небытие, за которым, однако, вопреки их бесовскому замыслу последовало его бессмертие.

Бытие же одного из крупнейших отечественных синологов Юлиана Константиновича Щуцкого началось за сорок лет до описанного события. Он родился в Екатеринбургe (Свердловске) 10 (23) августа 1897 года в семье лесничего, окончившего Лесную академию в Польше. Мать преподавала французский язык и музыку. Высшее образование Щуцкий получил в Петербурге, куда его семья переехала в 1913 году. В 1915 году он окончил реальное училище («Приют принца Ольденбургского») и поступил в Петроградский политехнический институт на экономическое отделение, однако в 1917 году оставил его

и перевелся сначала в Практическую восточную академию, а затем через год в Петроградский университет, который окончил в 1922 году по кафедре китаеведения этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук. Он изучал китайский язык под руководством таких корифеев отечественного востоковедения, как В. М. Алексеев (1881—1970), Н. И. Конрад (1891—1970), О. О. Розенберг (1888—1919).

Со студенческой скамьи Щуцкий начал научно-исследовательскую и переводческую деятельность и уже в 1923 году вместе с В. М. Алексеевым опубликовал «Антологию китайской лирики VIII—IX вв.», основанную на его дипломной работе «Антология Тан». Рецензируя это издание в 1924 году, Н. И. Конрад писал: «В нашей популярной синологической литературе книжка Ю. К. Щуцкого — событие несомненно исключительное, ничего равного ей у нас до сих пор еще не было, и можно лишь радоваться за судьбу новой русской синологической школы, обладающей представителем, который сумел так начать свое печатное служение избранному делу»¹. К 1922 году Щуцкий также осуществил перевод обширного и очень сложного философского трактата даоса-алхимика Гэ Хуна «Баопу-цзы» (III—IV вв.). К сожалению, этот труд ныне утрачен, сохранились лишь пространные замечания о нем В. М. Алексеева.

Будучи еще студентом, Щуцкий в 1920 году начал работать в Азиатском музее АН, где прошел путь от научного сотрудника 3-го разряда до ученого хранителя музея, а затем, после реорганизации в 1930 году музея в Институт востоковедения АН СССР, стал ученым специалистом и с 1933 года ученым секретарем китайского кабинета института. В 1936—1937 годах он сотрудничал в Государственном Эрмитаже. По рекомендации В. М. Алексеева в 1928 году был командирован Академией наук в Японию для приобретения японских и китайских книг и ознакомления с научно-исследовательской деятельностью японских синологов. В Японии он пробыл четыре с половиной месяца.

Щуцкий вел научно-педагогическую и преподавательскую деятельность. Сразу после окончания университета, осенью 1922 года, по рекомендации своего неизменного покровителя Алексеева он был зачислен научным сотрудником 2-го разряда на кафедру китайской филологии Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при Петроградском университете. Право это он завоевал статьей «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы», позднее напечатанной в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР» (1928), и на основании более чем благожелательной докладной записки Алексеева Щуцкий в 1924 году прошел квалификационную комиссию, получив право на преподавание китаеведных дисциплин в вузах в качестве доцента. С этого времени он вел различные синологические курсы как теоретического, так и практического характера в Ленинградском университете, Ленинградском институте истории, философии и лингвистики, Ленинградском институте живых восточных языков (Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе). В соответствии со своей основной научной специализацией Щуцкий преподавал главным образом историю китайской философии и китайский язык.

Являясь прирожденным полиглотом и постоянно занимаясь самообразованием, он постепенно овладел практически всем спектром языков, связанных с китайской иероглификой, не говоря уже об основных европейских языках. Ему был доступен весьма широкий лингвистический круг: китайский, японский, корейский, вьетский (аннамский), маньчжурский, бирманский, сиамский (тай), бенгальский (бенгали), хиндустани, санскрит, арабский, древнееврейский, немецкий, французский, английский, польский, голландский и латынь. Не получив возможности побывать в Китае, но в совершенстве зная пекинский диалект китайского языка, ученый также овладел гуанчжо-

уским (кантонским, или южнокитайским) диалектом. Впервые в отечественном востоковедении он ввел преподавание гуанчжоуского диалекта и вьетнамского языка, создав для последнего учебник (1934). Совместно с Б. А. Васильевым (1899—1946), другим выдающимся учеником В. М. Алексеева, позднее репрессированным, он в том же году написал также учебник китайского языка (байхуа). Щуцкий входил в состав временной комиссии по латинизации китайской письменности при Всесоюзном центральном комитете нового алфавита и постоянно участвовал в работе группы по изучению синтаксиса в Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания. Наиболее значительным результатом его лингвистических изысканий стала статья «Следы стадильности в китайской иероглифике» (1932).

11 февраля 1935 года ученый получил звание профессора. Сохранилось написанное по этому поводу в октябре 1934 года представление академика Алексеева. В феврале 1935 года В. М. Алексеев также составил опубликованную ныне «Записку о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого», в которой предлагал увенчать его ученой степенью доктора востоковедных наук *honoris causa*². Это предложение не было реализовано, однако 15 июня 1935 года Щуцкий удостоился степени кандидата языкознания без защиты диссертации.

3 июня 1937 года в качестве докторской диссертации он с блестящим защитил законченную за два года до этого монографию «Китайская классическая «Книга перемен». Исследование, перевод текста и приложения», официальный отзыв на которую дал все тот же Алексеев. Эта глубокая и скрупулезная рецензия, также ныне опубликованная в собрании статей и документов Алексеева «Наука о Востоке», представляет самостоятельный научный интерес и является ценным дополнением к изучению научной деятельности Щуцкого. Вторым официальным оппонентом был член-корреспондент (позднее — действительный член) АН СССР Н. И. Конрад, чья высокая оценка данной работы детально отражена в его предисловии к труду Щуцкого, изданному в 1960 году.

В своем предисловии, увидевшем свет через 20 с лишним лет после описываемых событий, Н. И. Конрад, также хлебнувший лиха в сталинских застенках, нарисовал довольно идиллическую картину: «Ю. К. Щуцкого действительно все дороги вели к «И цзину», и он стал склоняться к мысли приступить к специальному изучению и переводу этого памятника. Мы, коллеги Ю. К. Щуцкого по изучению Китая, единодушно поддерживали его. Мы полагали, что к «И цзину» его ведет неумолимая логика его собственного научного развития, а кроме того, мы все — и те, кто работал над китайской художественной литературой, и те, кто изучал исторические памятники, — постоянно сталкивались с «И цзином» — то в виде цитаты, то в виде отдельных понятий и образов, то в форме отзвука какой-либо ицзиновской мысли... Надо было кому-то работу над «И цзином» проделать, и Ю. К. Щуцкого мы считали наиболее подготовленным к этому. В такой обстановке Ю. К. Щуцкий и принял решение приступить к «И цзину»»³.

Совершенно иное описание обстановки вокруг исследования Щуцкого представил в своем официальном отзыве 1937 года В. М. Алексеев: «Сама инициатива этой работы встретилась с неисчислимыми трудностями, от которых — смею это заявить хотя бы от своего лица — всякий из нас в ужасе бы отступил. Например, в бессилии сражаться с наивными людьми, принимающими исследователя и переводчика за соавтора и злобно приписывающими ему, невзирая на анахронизм, все, что есть в оригинале. Для этих людей написать пасквиль на «И цзин» есть научная работа более достойная, чем научное объективное исследование этой книги, и Вы (Ю. К. Щуцкий. — А. К.) подвергались нареканиям и даже форменным гонениям за эту работу задолго до приведения ее в готовый вид. Толпа обскурантов ИВ АН

(Института востоковедения Академии наук. — А. К.) решила отнять у Вас решимость закончить исследование этого крупнейшего памятника дальневосточной Азии, и даже мое представление о присуждении Вам докторской степени без защиты диссертации ввиду хотя бы трудностей, связанных с оппозицией Вам, было с негодованием запихано в дальний угол ящика, где и лежало без движения, хотя адресовано было не этому ящику, а высшей академической инстанции (вот что делает ведомственная субординация!). Мои отзывы о Вашей работе уничтожились! Просто!

Гонения на Вас и Вашу работу воспроизводят в точности (тем более, что кое-кто из участников гонения был в той и этой конъюнктуре) гонения на меня в 1913 году, когда в моем курсе о Лао-цзы и «Дао дэ цзине», усмотрели «атомистическую теорию на футуристическом языке», подали жалобу Н. Я. Марру (декану) — и курс был упразднен⁴.

После защиты диссертации рукопись Щуцкого поступила для публикации в Ленинградское отделение Издательства АН СССР, где ее редактором должен был стать работавший там тогда Д. С. Лихачев. Однако 3 августа 1937 года в поселке Питкелово Ленинградской области Щуцкий был арестован, а затем осужден как «японский шпион» на 10 лет лагерей без права переписки. Поводом послужили его пребывание в Японии (1928), контакты с японскими учеными и публикация научной статьи на китайском языке в японском журнале (1934). В справке о посмертной реабилитации последним годом жизни указан 1946 год, в «Библиографическом словаре советских востоковедов» — 1941 год⁵. Однако, судя по формуле приговора, Щуцкий был расстрелян в 1937 или 1938 году⁶.

Рукопись монографии Щуцкого 28 ноября 1937 года была возвращена из издательства в Институт востоковедения АН СССР (ныне — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) по запросу его ученого секретаря. В архиве института она, в отличие от основной части рукописного наследия трагически погибшего ученого, благополучно пролежала до конца 50-х годов. В 1960 году после реабилитации автора и благодаря усилиям Конрада, выступившего в качестве редактора монографии, она была опубликована, сразу получила высокую оценку научной общественности и стала одной из вершин отечественного китаеведения.

Уже через полгода после выхода в свет «Китайской классической «Книги перемен» компетентный рецензент писал, что «без всякого преувеличения работу Ю. К. Щуцкого можно назвать научным подвигом и достижением культуры в самом широком смысле слова»⁷. В другой рецензии, появившейся в 1963 году, отмечалось, что «до Щуцкого никто из европейцев не сделал и попытки приступить к решению столь исключительно сложной задачи», его работы также признавались «настоящим научным подвигом»⁸. По прошествии нескольких лет еще решительнее высказался В. Г. Буров, назвавший труд Щуцкого «фундаментальным исследованием, равного которому нет в европейской синологии»⁹. В 1979 году книга Щуцкого была переведена на английский язык и издана видными специалистами (в частности, Х. Вильгельмом сначала в США, а затем в Англии), что явилось свидетельством международного признания ее большой научной значимости. Это особенно впечатляет, поскольку речь идет о произведении, написанном почти за полвека до этого. В рецензии на английский перевод, опубликованный одним из центральных востоковедных журналов Запада, работа Щуцкого была названа «экстраординарной», а сам автор «проявившим замечательный аналитический талант»¹⁰.

Среди дошедших до нас научных трудов Щуцкого монографии о «Книге перемен» («Канон перемен») ¹¹, несомненно, принадлежат первое и особое место. Вторым по значению следует признать цикл его работ о даосизме: «Даос в буддизме» (1927), «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы» (1928), статья о Ду Гуантине (1934),

рецензия на книгу Б. Бельпера «Даосизм и Ли Бо» (1935). Известно также, что Щуцкий составил иероглифические указатели к фундаментальным даосским трактатам «Юнь цзи ци цзянь» («Семь ящиков облачной литературы», XI в.) и «Дао дэ цзин» («Канон пути и благодати», V—IV вв. до н. э.) в 1928 и 1936 годах соответственно. Ценный вклад в знакомство русскоязычного читателя с китайской классической поэзией внес он своими прекрасными переводами.

Щуцкий был высокоодаренной личностью, наделенной как экстраординарными научными способностями, так и большим художественным талантом, прежде всего в области музыки, живописи и поэзии. Научные и художественные искания ученого определялись единой мировоззренческой установкой, которая хорошо выражена им самим в автобиографическом «Жизнеописании», сделанном в 1935 году, по просьбе Алексеева. Очевидное достоинство философских взглядов Щуцкого — стремление к целостному гуманистическому знанию, включающему в себя высшие духовные достижения различных культур. При таком подходе исследование «Книги перемен» составляло для Щуцкого не только и даже не столько историко-культурную, сколько культурно-созидательную и духовную задачу¹².

Научный и жизненный путь ученого был усыпан многими терниями, но и украшен творческим общением с рядом выдающихся людей. Один из первых среди них — Алексеев, всегда оказывавший своему лучшему ученику всяческую поддержку и неизменно отзывавшийся о нем в превосходных степенях, даже во времена, когда это можно было делать лишь косвенно, не называя имени¹². О замечательной интеллектуально-игровой атмосфере, царившей в кругу В. М. Алексеева — Малаке, то есть Малой академии, и особенно контрастировавшей с начинавшимся тогда умственным одичанием, живо свидетельствуют воспоминания дочери академика, М. В. Баньковской¹³. В Малаке Щуцкого называли разными шутливыми именами: фра Щуц, Юлиан-отступник, студент Чу (Чу — его китаизированная фамилия, под которой он издал статью о Ду Гуантине). Баньковская приводит следующий стихотворный портрет Щуцкого, принадлежащий перу Алексеева:

Он брит, щек шелк — мат.
Глаз мал — взгляд так остр...
Фра Щуц средь нас монстр:
Гэ Хун был им смят.

В тех же воспоминаниях воспроизведена еще одна, прозаическая пародия Алексеева (1928), в которой он, используя свой стиль перевода новелл Пу Сунлива, создал, на наш взгляд, яркий образ Юлиана Константиновича. В юмористическом гротеске этой миниатюры его характерные черты и таланты (в музыке, каллиграфии, гравирувальном искусстве и др.) выделены с графической резкостью, поэтому мы считаем уместным привести его в нашем кратком рассказе о Щуцком (определением «лысый» В. М. Алексеев намекает на самого себя; хэшан — монах, цинь — музыкальный инструмент, ханьский — китайский, цилинь — благовещий единорог).

Студент Чу

Студент Чу родился весь в гриве: копным-копной налипли кружки волос... Мать считала это неблагоприятным. Как раз зашел хэшан, посмотрел и блеснул зубами. Сказал: «Твой сын будет учиться у лысого». Тогда успокоилась.

Чу был человек неистовый. В возрасте «слабой шапки» схватывал, бывало, в руки инструмент вроде цинь, но вышиной сажени в две и начинал

безумно водить огромным луком по натянутым канатам. На дворе выли псы, слетались кричащие вороны.

Потом Чу научился где-то писать ханьские знаки. Пришел раз домой, взял швабру, окунул ее во что-то такое-этакое и давай писать: вмиг потолок и стены покрылись, как говорится, «следами». На пол — кап-кап-трр! — текли слюны вдохновенного.

Чу знал толк в гравюре. Брал у сапожника нож и начинал крутить по бесчувственному дереву... Крах-крах!.. слышали все вокруг, но подходить боялись: Чу был силен и крепок. Один раз награвировал бессмертного. Сделал три слоя, как в слоеном пирожке, — глядевшие не могли раскусить, в чем дело. Тогда Чу с размаху всадил в последний пирожок свой нож, рванул раз, рванул два — а глаза уже сияли. Стоявшие разглядели скулы.

Чу читал хорошо: много помнил, хорошо толковал. Однако порой приходил в раж, брал слово на язык и носился как ураган, танцуя, как он сам говорил: «вихрь», и все объяснял слушающим и неслушавшим через это слово. Оказывалось, что инь — это чернильница, часы, ножицы и изумруд, а ли — это Исакий, Кронштадт, Александрия. Слушавшие дивились. Однако ругать не смели: Чу умел доказывать твердо.

Чу предался тайной секте

Синих Чулков. Бывало, с безумным взглядом наденет синий чулок и бормочет заклинания. У соседа была дочь, у которой давно уже пропал синий чулок. Вот как-то раз сосед, увидев, что в комнате Чу рычит и гудит синий чулок, испугался и сообщил начальству. Разрезали чулок, повели студента, сто раз отпирался — не помогло. Тогда Чу потребовал у красившего стены маляра кисть и написал стихи: «Синь-синей небо-лазурь, глубоко — ах, не сказать. Чист-чистым Чу-человек, держайщий его — лишь черт».

Чиновник испугался: он сам был в секте Синих Чертей, а на «дороге стоявшие» не одобряли. Отпустил студента.

Послесловие рассказчика: Синий бессмертный, синий чулок, синее небо — как все это в одном Чу слилось! А грива-то косматая с рожденья! Кто видел цилиня, тот может тайно понять первообразование Чу.

Вы, нынешние! Жутко!¹⁴

Образом секты Синих Чулков В. М. Алексеев, по всей вероятности, намекал на антропософские увлечения своего ученика и соответствующий круг его общения, что с достаточной откровенностью изложено самим Щуцким в его «Жизнеописании». Столкновение Синих Чулков с Синими Чертями в 1928 году еще могло представляться юмористически, и Алексеев описал его благополучное

разрешение. Однако поразительным пророческим диссонансом этому счастливому концу звучит последняя фраза: «Вы, нынешние! Жутко!» Жуткая победа Синих Чертей над Синими Чулками уже была предопределена.

Как явствует из «Жизнеописания», и сам Ю. К. Щуцкий осознавал, что середина 30-х годов XX века ознаменуется началом мировой катастрофы. Однако это пропредчувствие ничуть не снизило высокую интенсивность его духовных устремлений, поскольку в конечном счете они были направлены на преодоление смерти. Дождевшие до нас результаты этих усилий свидетельствуют о том, что они не были безнадежны.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 587.

² Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 93.

³ Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960. С. 6.

⁴ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 371—372.

⁵ См.: Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 622.

⁶ В соответствии с указанными источниками в литературе фигурируют три даты гибели Ю. К. Щуцкого: 1946 г. (Петров В. В. Указатель имен // В. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982. С. 506), 1941 г. (Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 366), 1938 г. (Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 307, примеч. 144).

⁷ Рубин В. А. Рец. на: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен» // Вестник древней истории. 1961, № 3. С. 316.

⁸ См. также: Быков Ф. С. Рец. на: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен» // Народы Азии и Африки. 1963. № 1. С. 213—216.

⁹ Буров В. Г. Изучение китайской философии в СССР // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 1968. С. 99.

¹⁰ Hoodock J. Rew.: Shchutskii J. Researches of the I. Ching // Philosophy East and West. — Honolulu, 1981. Vol. 31 № 4. P. 551.

¹¹ Об этом памятнике см.: Проблемы Дальнего Востока. 1989, № 3.

¹² См., например: Алексеев В. М. Указ. соч. С. 114—160; 402—408.

¹³ Баньковская М. В. Малак — литературные вечера востоковедов. 20-е годы // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 123.

¹⁴ Цит. по: Баньковская М. В. Указ. соч. С. 123—124.